

и другими эквивалентными описаниями — как переход от индустриального общества к постиндустриальному, от прединформационного к информационному. Более детально это раскрывается путем выделения фаз и этапов современного общества, предположений о возможных ступенях развития постсовременного общества и соответствующей периодизации классической и неклассической науки. Разумеется, здесь много умозрения и спекуляций. Кроме того, место России при этом недостаточно выявлено.

Однако при описании смены типов послевоенных² социальных теорий российский опыт приобретает очевидное значение.

Оба вывода социологии знания в дальнейшем будут играть методологическую роль в нашем исследовании.

1. Россия как часть социального контекста смены социальных теорий второй половины XX века

Один из наиболее известных американских социологов и социальных философов Дж.Александр выделил четыре этапа в развитии послевоенной социальной теории, смену которых он тесно связал с изменением социального контекста. Приведем указанную периодизацию, используя аргументы Александра и давая свои комментарии и добавления (5, 6).

1. Господство *модернизационных* теорий, 50-60-е годы. После победы над фашизмом влияние Запада и образа западной цивилизации повсеместно возросло, поверженные Германия и Япония встали на рельсы западного пути развития. Начался процесс деколонизации, пафос которого состоял в утверждении способности освобождающихся народов самостоятельно, в условиях независимости осуществить модернизацию по западному образцу. Исключение составляли страны социалистической системы, но это было то исключение, которое подтверждало правило: никто более боль-

² После второй мировой войны.

шевистских лидеров не утверждал необходимость для России стать частью Европы (В. Ленин), догнать Европу (Л. Троцкий, И. Сталин), “догнать и перегнать Америку” (Н. Хрущев). Социалистические общества осуществляли модернизации, но особым образом, и Россия не выпадала из социального контекста, породившего модернизационные теории. Модернизационные теории предполагали, что есть *общий путь* для всего человечества, на который не все общества вступают одновременно.

2. Модернизации 50-60-х годов не закончились успехом для стран третьего мира. Их традиционные культуры были разрушены в большей мере, чем приобретены основы современного общества. Бурное развитие Японии не меняло ее национальной идентичности на западную и представлялось не следствием успеха модернизационных теорий, а азиатским чудом, которому не суждено повториться. В этот период повсеместно растет убеждение в возможности *социалистической альтернативы модернизации*, в особом пути социалистических стран. Модернизационные теории решительно отбрасываются в пользу *социалистических*. Знаменательный пример умонастроения 70-х приводит Дж. Александер. В середине 70-х на заседании Американской социологической ассоциации известный исследователь, сторонник теории модернизации А. Айнкелес докладывал результаты проведенного им совместно со Д. Смитом исследования о персональной модернизации в шести развивающихся странах. Молодое поколение социологов выразило решительное презрение к их ныне почти классическому труду и поддержало известного сегодня социолога И. Валлерштайна, заявившего: “Мы живем не в модернизирующемся, а в капиталистическом мире... и в переходе мировой системы от капитализма к социализму”³.

³ Alexander J.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the “New World” of “Our Time” // Zetschrift für Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 165.

“Влечение” к социализму было связано с открытием Россией и другими странами “второго”, т.е. незападного и способного конкурировать с Западом, пути. Ему способствовали либерализация политического режима СССР в годы застоя, его реальное противостояние Западу в сфере обороны, космоса, ядерной области, фундаментальных наук, притягательность социалистического выбора для стран третьего мира, не преуспевших в капиталистической модернизации после деколонизации, подъем социал-демократии Запада. Идея *второго пути* и сейчас еще не исчезла, хотя он уже редко связывается с социализмом.

3. Неудача третьего мира на социалистическом пути, так же как и на пути модернизации, скоро развеивает эти иллюзии. Поскольку социализм есть тоже модернизация — движение к современному обществу, но осуществленное особым образом — в условиях изоляции, часто с применением насилия, — поднимается волна антимодернизационных настроений, ставящая под сомнение оба вышеназванных и обозначенных типа социальных теорий. Появляются постмодернизационные социальные теории. Их нельзя путать со всем объемом постмодернизма как философского течения, включившего в свой состав опыт архитектурной эклектики, плюрализм и равенство всех тенденций, права маргиналов, критику Просвещения и пр. Социальные теории, питаемые этим направлением, более строги. Их можно назвать теориями постмодернизации. Частично они воспроизводят “расстройство” просветительской парадигмы, ее “отставку” и комическое к ней отношение, присутствующее постмодернизму в целом.

Базируясь на Льюгаре, Фуко, Хайссене, Рорти, такие социальные теоретики как Хелпер, Шейдман, Харвей и Лач⁴, Лодж, Валигорский, Этциони показывают неединственность западного пути, неединственность социалистической альтернативы, возможность развития на основе традиции (постмодернизация), проявляемую, например, в Юго-Вос-

⁴ *Alexsander J.C. Modern, Anti, Post and Neo. S. 178.*

точной Азии, преодоление противоположности между средневековым и локковским человеком, даже возможность не развиваться.

Следствия постмодернизационной перемены в социальной теории являются амбивалентными: с одной стороны, здесь критикуется право Запада диктовать миру свою волю, признается значение локальных культур и цивилизаций, их право на собственную судьбу, отрицается концепт всемирной истории как истории, идущей в направлении, открытом Западом; с другой стороны, здесь утверждается удовлетворенность статус-кво, удовлетворенность Запада своим положением, его безразличие к судьбе “маргиналов”, до которых Западу более нет дела. (Эта тенденция отчетливо прозвучала на Билефельдском социологическом конгрессе летом 1994 г.). В постмодернизационных теориях отчетливо представлено преобладание локального над универсальным, возможность *множества путей*, и, вместе с тем, идеи глобализма, теряющие внятный смысл из-за господствующего интереса к локальному и маргинальному.

4. Привлеченные модной риторикой постмодернизма, а также декларируемым социальными теориями постмодернизации “правом” на собственное развитие, элита многих посткоммунистических государств, особенно тех, которым присущ этноцентризм, обратилась к “строительству” собственных постмодернизационных теорий. Другие, оскорбленные местом, занятым ими в глобальном раскладе развитых и отсталых стран, отвергли статус-кво и плюрализм, поставив перед собой задачу *неомодернизма*— нового витка модернизации⁵. Разочарования в Западе у этих последних не найти. Просвещение критикуется ради фразы без понимания того, что догоняющая модель модернизации — соответствующая этому выбору — является одновременно опаздывающей, никак не способной догнать Запад сегодняшнего дня. Такие теории называются *неомодернизационными*.

⁵ *Alexsander J.C.* Modern, Anti, Post and Neo. S. 165-197.

Путь развития в этой интерпретации снова становился *единственным — общечеловеческим*.

5. Теория *неомодернизации на этнооснове*. Запаздывающий характер “догоняющей модернизации” и архаические черты, консервативные начала постмодернизации на этнооснове привели к стремлению соединить постмодернизационные и неомодернизационные подходы.

Теоретически это выразилось в обсуждении проблем совмещения универсального и локального, всемирно-исторического и локально-исторического⁶, в попытке найти единство в многообразии.

6. *Евразийство*. Это — теория, которая сегодня больше, чем антимодернизационные (славянофильские, почвенные) теории претендует быть альтернативой описанным выше и является чисто российским “продуктом”.

Евразийская концепция возникла в послеоктябрьском эмигрантском зарубежье как реакция на появление Страны Советов. Эта новая реальность, по мнению евразийцев, была продуктом ошибочной ориентации верхнего класса России исключительно на Европу, что вызывало в ответ низовые антимодернистские, антизападные движения. Таким образом, европеизм аристократии отрывал ее от народа, что и явилось, по мнению евразийцев, в конечном счете причиной Октябрьской революции.

Приняв это объяснение, евразийцы фактически смирились с послереволюционной Россией, с оптимизмом расценивали ее будущие перспективы, ибо путь СССР (с некоторыми оговорками) соответствовал евразийским представлениям не о должном, как иногда представляют дело, а о возможном пути для России. Все евразийцы полагали, что “месторазвитие” (особый термин евразийцев) России — Евразия, а не только Европа; что этот географический, при-

⁶ См.: *Апель К.-О.* Этноэтика и универсалистская макроэтика: противоречие или дополнительность // Политична дума (Политическая мысль). Киев, 1994. № 3. С. 115-119; № 4. С. 85-92.

родный фактор наряду с другим естественным фактором — населением (включающем славянские, тюркские и др. народы России) — не позволяет говорить о России как исключительно европейской стране.

Концепция эта не получила теоретического развития прежде всего по политическим мотивам — из-за яростной критики со стороны русской эмиграции и политического раскола в среде самого “евразийства”. Тем не менее СССР действительно во многом соответствовал евразийской доктрине географически (Европа и Азия как месторазвитие), этнически (этническим разнообразием, включающим европейские и азиатские народы как своеобразный евразийский суперэтнос), а также наличием идеократического (коммунистического) государства, т.е. государства, держащегося на силе идеи, объединяющей все сферы общества. Не осуществился лишь замысел универсальной роли православия, но идеократическое государство заменило, по сути, прогнозируемую евразийцами синтетическую функцию религии.

Евразийцы пересмотрели воззрения на историческую роль монгольского завоевания России и набегов тюркских народов на славянский юг. Азиатские народы, по их мнению, несли с собой жесткие формы государственного устройства и вместе с тем “духовную свободу”. В отличие от Запада как возможного колонизатора восточных земель азиатские завоеватели, подчеркивали евразийцы, были безразличны к духовной жизни покоряемых ими народов и не препятствовали этнической самоидентификации. С точки зрения классического евразийства Украину также можно рассматривать как типично евразийскую страну из-за ее соприкосновения с тюркскими народами, преобладанием в ней православного христианства и, конечно же, трехсотлетнего пребывания в составе Российской империи.

Сегодняшнее обращение к идеям евразийства П.Савицкого, Н.Трубецкого и др. (прямо повторяющее их мировоззренческие и геополитические постулаты, либо неявно ориентирующееся на них в попытках собственного объяснения пост-

коммунистических изменений) не может не опираться на понятия и язык современных социологических теорий. В связи с этим евразийская концепция получает интерпретации, соответствующие различным формам (которые мы описали выше) последовательно сменяющихся социальных теорий.

1. *Модернизационная интерпретация.* Евразийскими в этом смысле называются традиционные или недостаточно модернизированные европейские страны, страны с европейско-азиатским месторазвитием и незавершенной модернизацией (Россия, Турция), а также азиатские государства, вступающие на путь модернизации — “догоняющие” Запад, например, Казахстан. Модернизационная интерпретация учитывает только один аспект — то, что эти страны, будучи отстающими, традиционными (“азиатскими”), пытаются сменить свою идентичность на западную, европейскую.

2. *”Социалистическая” интерпретация,* в которой опыт СССР трактуется как успешный евразийский опыт, социализм — как евразийский (незападный) путь. Новейшая геополитическая версия утверждает цивилизационное значение уже не системы социализма, а СНГ.

3. *Постмодернизационная* — согласно которой модернизация принимает новые черты в связи с изменением не только стран, осуществляющих процесс социальной трансформации, но и Запада. Постмодернизационная интерпретация видит в евразийстве своеобразную конвергенцию ценностей традиционного (“азиатского”) и современного (западного) общества. Это — идеология умеренного, нерадикального преобразования с использованием собственных основ.

4. *Неомодернизационная* — жестко повторяющая аргументы модернизационной теории, однако не считающаяся с ее уроками.

5. Интерпретация с точки зрения модели *неомодернизации на этнооснове* в свете единства локального и универсального соединяет идеи модернизации, неомодернизации и постмодернизации, утверждая невозможность “догнать” Запад.

6. *Антимодернизационная* как откат от модернизации. Евразийское месторазвитие рассматривается в этом случае как особенность, препятствующая следованию вышеобозначенным концепциям модернизации и неомодернизации (по причине утверждения ими абсолютной ценности западной модели развития, принимаемой в качестве универсальной, и пренебрежение локальным), а также противоречащая идеям постмодернизации (из-за доминирования здесь локального и маргинального, разбивающих евразийское пространство на множество подрегионов со своей судьбой).

Как видим, в картине сменяющихся и взаимодействующих социальных теорий евразийство не является самостоятельной доктриной, а представляет собой некоторый фактор, получающий различные интерпретации. Последние порой теряют твердую почву факта, но свидетельствуют в целом о некоторой собирательной характеристике — исторической (взаимодействие с монголами и тюрками), географической (для России — нахождение в Европе и Азии), психологической (отличный от западной цивилизации психологический код), политической (не демократии, протодемократии), социальной (общества, не завершившие модернизации). Это — своего рода мировоззренческое знание.

Таким образом, на всех приводимых фазах развития социальной теории России принадлежит не последнее место в социальном контексте и тех социальных сдвигах, которые инициируют смену теорий. На стадии доминирования модернизационных теорий Россия могла быть интересна предшествующими этапами модернизации и своим стремлением “догнать и перегнать Америку”. Этап интереса к социалистическим теориям вырос из иллюзий российского неограниченного успеха, а также успеха социал-демократий Запада. Постмодернистский этап российскими теоретиками был воспринят только риторически, тогда как для украинских, например, он был в известной мере пред-

посылкой националистического выбора. Четвертый этап (неомодернизация) — это описание российского посткоммунистического выбора с его идеализацией Запада и приданием западным моделям статуса универсальных, с отказом от всякой самоиронии и новой фазой героической борьбы за демократию (как прежде за социализм).

Роль России в смене социальных теорий отмечается многими исследователями. Так известный американский социолог П. Бергер выделяет четыре основных события, сломавшие парадигму социологии после второй мировой войны. Это: маргинальные устремления верхнего среднего класса западных стран (феминизм, этноцентризм и пр.); опыт создания незападного центра капитализма в Японии и других странах Юго-Восточной Азии; оживление религии в западных странах; распад СССР и коллапс коммунизма. Он пишет: "...четвертый случай: это — имеющий важное значение коллапс советской империи, и, кажется, по меньшей мере сейчас, мировой коллапс социализма одновременно как реальности и как идеи. Даже начало этого всемирно-исторического события было очень недавно и последствия возникли с незамедлительной скоростью. ...Было бы несправедливым ругать кого-то, что не было представлено теории, объясняющей все это, поскольку почти никто не предвидел этого (включая полк дипломированных советологов), и все испытывали трудности охватить эти события какими-либо теоретическими рамками, придающими смысл"⁷.

В свете сказанного необходим более рефлексивный подход к проблемам развития России и других посткоммунистических стран. Ни постмодернистская, ни неомодернистская (включая неомодернизм на этнооснове) теории не объясняют сложностей и особенностей задач, стоящих перед этими странами, не характеризуют перспективу их развития с достаточным учетом их специфики и не позволяют управлять процессами изменений в этих странах.

⁷ Berger P. Sociology: A Disinvitation? // Society. 1992. Vol. 30, № 1. P. 16.

Уже десятилетний опыт посткоммунистических преобразований ставит вопрос о том, что следующим этапом или типом теории будет:

7. *Теория посткоммунистического развития*, которая бы более адекватно воспроизводила специфику и возможности развития своих стран и могла бы участвовать в менеджменте происходящих здесь социальных трансформаций. У этой теории (теорий) должно появиться имя. Пока оно не найдено.

Цель книги — дать подробный анализ модернизационной (неомодернизационной) и постмодернизационной перспективы и представить контуры теории посткоммунистического развития.

2. Проблема российской идентичности: выбор пути или ракурсы интерпретации?

Вопрос об идентичности — это вопрос об источнике норм и поведенческих реакций, имеющем более универсальную природу, чем сами эти нормы. Вопрос о российской идентичности — это вопрос о том, где более общий источник российского самосознания.

Поскольку процессуально, исторически Россия — всегда модернизирующаяся страна, от Петра I, Александра II, большевиков до нынешних реформаторов и, как мы показали, общественный контекст смены социальных теорий не только не позволяет исключить Россию из рассмотрения, но буквально разворачивается вокруг ее судьбы, проблема поиска российской идентичности осуществляется в терминах Восток — Запад, отражающих соотношение традиционного (незападного) и современного (западного) обществ и переход от одного к другому как процесс модернизации.

Обсуждение российского развития имманентно включает в себя эти понятия, всегда начинается с определения места России между Востоком и Западом.